

62701

ЦЕНТРАРХИВ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ТОМ I

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М.Н. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД - 1926

Цена 3 р. 20 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

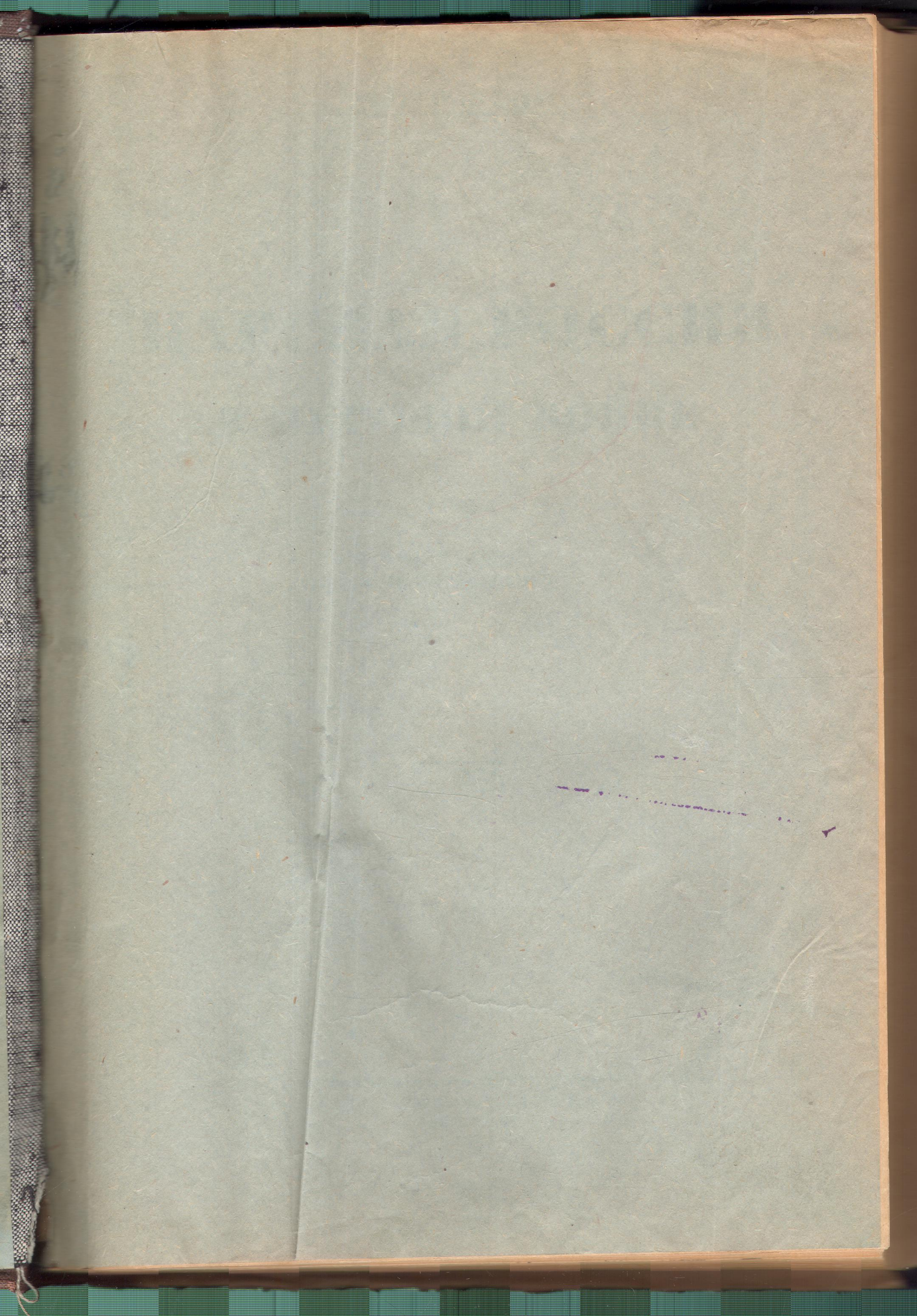
00709077

2

the following questions:
 Exercise I.
 What is this worker? He is fifty
 years old. He is nineteen.
 He is reading my book.
 He is taking a subway train when
 he goes to the university (factory, office)
 a subway in Moscow? 5. Have you
 ever been to the office of the workers' committee
 (to do). 3. What—he (to give) the secretary
 some papers?

Exercise II.

the following questions:
 Exercise I.
 What is this worker? He is fifty
 years old. He is nineteen.
 He is reading my book.
 He is taking a subway train when
 he goes to the university (factory, office)
 a subway in Moscow? 5. Have you
 ever been to the office of the workers' committee
 (to do). 3. What—he (to give) the secretary
 some papers?

ЦЕНТРАРХИВ

24

35

26

ЦАРСКАЯ РОССИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ТОМ I

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХАУ.
Інв. № 62201

✓ 45

Проверено
1945 1947

1996
Всесоюзная Научно-исследовательская библиотека
Экономической науки

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

58 64

Гиз № 10390.
Ленинградский Гублит № 15895.
20 1/2 л. Отп. 4000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Связанная с империалистской войной дипломатическая переписка бывшего министерства иностранных дел отложилась в архиве в больших размерах.

Начатая еще в недрах министерских канцелярий систематизация составляющих эту переписку бумаг не закончена по сию пору.

Можно с несомненностью утверждать, что недалеко то время, когда исключительная по своему историческому значению, связанная с войной, дипломатическая переписка будет выявлена вся и опубликована с исчерпывающей полнотой.

В настоящий момент, сообразно возможностям нашего времени, задачу эту приходится выполнять лишь частично.

В предлагаемых ниже строках читатель найдет документы, собранные по вопросу о вовлечении в войну держав, к моменту ее возникновения остававшихся нейтральными, интересы которых проектировались преимущественно в пределах Балканского полуострова, того «ящика Пандоры», откуда вылетели постигшие Европу кровавые бедствия. Сюда следовало бы отнести материалы, посвященные Турции, Болгарии, Румынии, Италии и Греции. Вопрос о вовлечении в войну Греции уже получил в печати документированное отражение. Представилось поэтому возможным ограничиться публикациями, относящимися к первым четырем государствам, при чем вопрос о вовлечении в войну Италии, как страны, заинтересованной не только и не столько в определенном разрешении Балканского вопроса, сколько в территориальных приобретениях в Малой Азии, естественно, должен был получить лишь частичное отражение.

Исчерпывающее опубликование документов по каждому из рассматриваемых государств должно было бы привести к затяжной работе по подготовке многотомного, недоступного для широкого читателя издания.

Задача дать в настоящее время широким читательским кругам знакомство с типичными образчиками работы царской дипломатии

в указанных выше вопросах, хотя бы лапидарно и схематически наметить основные линии этой работы — с неизбежностью требовала несколько упрощенной формы использования тех заведомо несовершенных результатов систематизации материалов, какие остались нам в наследство от старого министерства.

Необходимо отметить, что в министерском делопроизводстве мы находим прежде всего коллекции бумаг, собранных по признаку отправителя (посла, посланника, министра) и расположенных в хронологическом порядке. В то же самое время по ряду вопросов мы найдем особые, заключенные в папки, коллекции документов, подобранных тематически, где из донесений представителей самых различных стран собрано все, имеющее отношение к данным вопросам.

Если принять во внимание отсутствие в архиве тематически подобранных папок по вопросу о вступлении в войну Турции и Болгарии, если принять во внимание также и то, что к моменту составления настоящего сборника далеко не все коллекции входящих оказывались в архиве собранными, что, в частности, не были собраны такие важные части дипломатической переписки как донесения русских послов в Лондоне и Париже, то станет понятным, почему при подготовке к печати глав «Россия и Турция» и «Россия и Болгария» составителям сборника пришлось ограничиться публикацией почти исключительно двусторонней переписки, происходившей между министром иностранных дел и соответствующим дипломатическим представителем. Использованию подверглись, таким образом, хранящиеся в секретном архиве министра папки: «Телеграммы посла в Константинополе», «Телеграммы посланника в Софии» и «Исходящие из министерства иностранных дел», а также дополнительно — хранящиеся в азиатском департаменте папки с депешами и письмами русских дипломатических представителей в Софии и Константинополе.

Вытекающая из такой двусторонней переписки неполнота освещения вопроса сама собой очевидна; она не лишает, тем не менее, предлагаемых публикаций определенного значения; — главные моменты, связанные с вопросом о вступлении рассматриваемых держав в войну, равно как и основные контуры работы царской дипломатии в них явственно намечаются.

Материалы, относящиеся к главам «Россия и Румыния» и «Россия и Италия», заимствованы целиком из хранящихся в секретном архиве папок: «Италия» (ч. I и II) и «Румыния» (ч. I — IV), составленных в министерстве тематически и с большою степенью тщательности.

Отсюда — то развертывание дипломатических переговоров в международном масштабе, которое наблюдается, в отличие от предыдущих, в этих двух главах.

Размеры настоящего издания вынудили публикаторов к самому жесткому сокращению собранного материала, к ограничению и в данном

случае также публикацией наиболее существенного, только того, что является скелетом всей сложной системы дипломатических переговоров, связанных со вступлением этих двух стран в войну.

Присутствие, так называемых, «дешифрантов», вернее, перехваченных телеграмм, вкрапленных в материалы всех четырех глав, в виду невяявленности такого рода коллекций во всей их полноте, имеет значение иллюстративное по преимуществу.

Редакция.

342

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издание печатаемых ниже документов готовилось к десятилетию разрыва императорской России с Турцией (в октябре 1914 года). «Турецкими» документами сборник и начинается. Целый ряд причин задержал издание, и оно выходит, с некоторым опозданием, к десятилетию вступления в войну Италии: перепискою по итальянским делам заканчивается этот том.

Лежащие в промежутке «болгарские» и «румынские» документы дорисовывают картину. В центре ее все время, от Турции до Италии, остаются Балканы. Объектом войны для Николая II и его дипломатов был Царьград: средоточие мира в мировой войне для России, но «богатейшая добыча всей войны» и для Англии. Перед царской дипломатией на пути к цели лежал целый ряд препятствий—и ряд сложных комбинаций приходилось создавать, чтобы эти препятствия преодолеть. Первой из них, раньше других сорвавшейся, было и з о л и р о в а н и е Т у р ц и и. «Проливы», защищаемые германской техникой, были неприступны—англичанам скоро пришлось в этом убедиться на опыте. Не пустить немцев в проливы, отрезать Турцию от Германии, было первоочередной задачей. Этого проще всего было достигнуть, втянув в войну Болгарию: болгарский заслон был бы ближайшим к центру действия и самым надежным.

Стратегически это было бесспорно. Но, прежде чем стратегия могла приступить к действию, приходилось разрешить ряд политических проблем, и тут далеко не все было просто. Оказалось, что Болгария, истерзанная и еще кровоточащая со времени экзекуции, произведенной над нею в 1913 году под руководством ее «освободительницы» России, помимо очень горького осадка от экзекуции, окончательно изгнавшей всякие сентиментальные воспоминания об освобождении¹⁾, может выступить только ради одного объекта: Македонии. Попытка подкупить болгар турецкой Фракией ни к чему не привела, кроме конфузных объяснений с турками, до сведения которых эта попытка

¹⁾ На вопрос одного руссофила лидеру одной из болгарских партий, ратовавшему за вступление Болгарии в войну на стороне Германии: «А что же вы будете делать с могилами 200.000 русских, пожертвовавших свою жизнь за освобождение Болгарии?» последовал ответ: «Будем с... ходить на них». См. «Архив Русской Революции», т. XVI, стр. 157.

сейчас же дошла ¹⁾. «Македония занимает в умах и чувствах всех болгар совершенно исключительное место», — телеграфировал русский посланник в Софии (26 окт. по ст. ст.). «С Фракией у болгар связаны слишком тяжелые воспоминания и, кроме того, они считают, что на эту территорию у них нет конкурентов; к Добрудже они относятся сравнительно холоднее, а Македония стала теперь для всех прямо неотступною мечтой». . . . «Болгары настолько дорожат Македонией, что я уверен, что если, с согласия и по почину Сербии, мы бы предложили открыто эту комбинацию, то ни одно правительство не устояло бы пред натиском общественного мнения. В виду остроты сербо-болгарских отношений, можно было бы позаботиться, чтобы две армии действовали в различных местностях и не были связаны общим командованием». Пикантность последней фразы читатель оценит и без нашего содействия. «Братья» — славяне на Балканах вели себя так, как и полагается братьям, делящим наследство (в данном случае турецкое). Сербы всеми десятью пальцами вцепились в «свое» и ни под каким видом не соглашались выпустить его из рук. Меньше недели спустя тому же Савинскому приходилось телеграфировать: «Французский посланник сообщил мне полученную им из Бордо телеграмму с известием, что г. Спалайкович с таким же преступным шовинизмом, как сербский посланник в Афинах — телеграмма Демидова № 298 — объявляет о невозможности для Сербии никаких уступок и о том, что он предпочтет оставить всю Сербию австрийцам, чем уступить клочок Македонии болгарам. Эти, ослепленные своими мелочными побуждениями и счетами, люди не хотят видеть, что они играют в руку Австрии, которая не перестает работать здесь всеми силами в пользу выступления Болгарии в сторону Македонии. Работа эта скорее благодарная, и если бы она удалась, и если бы сербские квази-патриоты исполнили свои (пропуск), то план Австрии легко бы осуществился. Раздав Сербию, она заняла бы Македонию, временно предложив ее Болгарии; она купила бы этой ценой эту последнюю, а сама прошла бы к Салоникам и Константинополю».

Попытка англичан, со свойственным им духом компромисса, найти среднее решение, купив Болгарию куском Македонии, ровно ни к чему привести не могла ²⁾. Австрийцы, которые готовы были усту-

¹⁾ 17/30 августа 1914 Гирс телеграфировал из Константинополя: «Считаю долгом предостеречь против каких бы то ни было обещаний Болгарии возможных награждений за счет Турции. Таковые могли бы только вселить сомнения в искренности наших к ней отношений, в то время, когда мы выступаем с обязательством уважать ее территориальную неприкосновенность. Джавид бей указывал французскому послу, что ему известно от турецкого посланника в Бухаресте, со слов Радева, будто бы мы предложили Болгарии, без ее содействия в нынешней войне, — возвращение ей турецких владений на север от линии Энос-Мидия. На вопрос же, кому будет принадлежать область на юг от сказанной линии, якобы получил ответ, — конечно, России. Такие, приписываемые нам, отзывы могут только быть использованы немцами, как подтверждение возводимых ими же на нас обвинений, и, озлобляя турок, толкать их на разрыв с нами. По моему глубокому убеждению, компенсации, которые мы можем предложить Болгарии, должны быть сначала установлены с ведома заинтересованных и основаны исключительно на нашем нравственном праве требовать их». Ср. его же телеграмму от 24 авг./6 сент.

²⁾ Дешеша того же Савинского от 28 окт./10 ноября 1914: «Г. Панафье и я совершенно не понимаем, на чем могут быть основаны предложения Айронсайда. На основании самого тщательного исследования общего положения вещей в данное время, мы пришли к твердому убеждению, что линия Энос-Мидия не представляет в настоящий момент в глазах Болгарии того, что побудило бы ее идти против Турции; что касается линии Вардара, то надо было

пить Болгарии любую часть сербской территории, какая будет занята болгарскими войсками, имели в руках беспронятную игру, и уже в декабре 1914 г. у Тарновского (австрийского посланника в Софии) и Радославова (болгарского премьера) происходили такие разговоры. «Я сказал ему»,—телеграфировал в Вену Тарновский (копия телеграммы была выкрадена русским посольством, почему и попала в наши архивы),— «что положение серьезно, что как правительству, так и королю очень хорошо известно, что только при посредстве Империи они могут получить Македонию, что единственно составило бы действительно ценное приобретение для Болгарии; что министр-председатель должен отдать себе отчет в действительном положении вещей. Мы и Германия желаем, чтобы Болгария приступила к действиям, и не хотим никакого промедления. Министр-председатель всегда отговаривается тем, что Болгария еще не готова к войне, он, однако, не говорит, что как только будет готова, то сейчас же выступит.

«Мой собеседник ответил на это, что Болгария хорошо знает, что занятие Македонии невозможно без военного выступления, поэтому они и готовятся к нему серьезно.

«Я спросил, не вызывается ли то обстоятельство, что Болгария еще не вполне готова, недостатком снаряжения,—мой собеседник ответил, что, по его мнению, это, именно, так и есть, но добавил, что военный министр надеется быть в полной боевой готовности к 15-му. «Тогда Болгария тотчас же приступит к военным действиям»,—сказал я, и услышал в ответ, что этот вопрос будет разрешен правительством, сам же министр-председатель не может единолично определить срок. Я сказал, что это далеко не определенный ответ, собеседник же мой заметил, что он желает нашей победы и что, если бы он был убежден, что она зависит от болгарского выступления, то он тотчас же предпринял бы его; он убежден, однако, что положение от этого лишь ухудшится, так как Греция и Румыния тоже не останутся нейтральными. Между тем, если бы Болгария еще некоторое время сохранила спокойствие, а мы разбили бы Сербию, то ни Греция, ни Румыния тогда уже не стали бы на сторону Сербии, и здесь-то болгарское выступление могло бы оказать нам действительную помощь.

«Министр-председатель выразил надежду, что он все же получит от нас и от Германии письменное обещание, как он о том просит. Он обратился с тем же и к германскому посланнику».

Осторожная болгарская буржуазия требовала векселя—а пока его не было, дальше нейтралитета, явно дружественного центральным державам, не шла. Но и этот нейтралитет хитрые «предприемачи»¹⁾ хотели оплатить за счет Антанты. Болгарский премьер телеграфировал своему посланнику в Лондоне: «Так как положение вещей все еще не выяснилось, и результат неизвестен, прошу вас избегать вступать в переговоры. Воспользуйтесь авансами, которые вам делают, и продолжайте

бы совершенно не понимать действительности, чтобы предположить, что она могла бы удовлетворить Болгарию, прекрасно знающую, что сами сербы, при всей их неуступчивости, все же признают, что линия эта должна отойти к Болгарии даже без оказания ею действительной помощи союзникам». Панафье — французский посланник в Софии; Айронсайд — английский.

¹⁾ Предприниматели — болгарский термин для крупной буржуазии.

подчеркивать болгарский тезис строгого, но полезного для Тройственного (согласия) нейтралитета и требуйте за него Добруджу, Македонию с Каваллой и пр.»... «И поныне Болгария не желает ничего чужого, но за услуги, которые оказывает воюющим державам, соблюдая нейтралитет, она надеется вернуть утраченное и уверена, что Англия в границах справедливости отнесется с уважением к своим ноябрьским обещаниям и договору, столь энергично поддержанному ею в Лондоне. На эту тему вы можете говорить, когда представится случай подчеркнуть претензии Болгарии на компенсации за соблюдаемый ею нейтралитет».

Это было накануне вступления балканского вопроса в новую критическую зону, благодаря начавшемуся форсированию Дарданелл англо-французским флотом. Первая критическая зона, закончившаяся вступлением в войну Турции, прошла без участия Болгарии, к великому разочарованию русского правительства. На Болгарию, до появления русского десанта у берегов Босфора, по русским планам ложилась главная задача. Правда, вспоминая 1912 год, очень заботились о том, чтобы болгары не опередили русских ¹⁾. Но вовсе без болгар оперировать в европейской Турции было почти невозможно — на что-то русский десант должен был опереться. И, глядя на болгарский «нейтралитет», Сазонов не без раскаяния, быть может, вспоминал мудрый совет французов, которому он не последовал. Еще 11 августа, неделю спустя после начала войны, Извольский телеграфировал ему: «В разговоре со мною Думерг подтвердил соображения, высказанные господином Понсо советнику посольства, а именно, что Турция опасается, что мы воспользуемся обстоятельствами и возможною победою над Австрией и Германией, чтобы захватить Константинополь и проливы, и что было бы весьма желательно, чтобы мы успокоили ее на этот счет, например, предложивши ей гарантировать целостность ее владений. По мнению Думерга, это не мешало бы нам при ликвидации войны разрешить согласно нашим видам вопрос о проливах».

Думерг не знал, что Турция в эти дни предлагала больше, чем простой нейтралитет — что Энвер-паша предоставлял в распоряжение России турецкую армию — либо против Болгарии, либо против Австрии, как Россия найдет нужным ²⁾. Этот эпизод, один из наиболее сенсационных начала войны, уже был освещен в литературе ³⁾ и здесь на нем мы не останавливаемся. Но если Сазонов так решительно отклонил тогда предложение Энвера, то именно в расчете на немедленное выступление Болгарии. То, что это выступление не состоялось, расстроило весь русский план и, прежде всего другого, отдало Дарданеллы в руки немцев.

¹⁾ Телеграмма Сазонова посланнику в Бухаресте, 3/16 дек. 1914: «С точки зрения выгод России, военное выступление Болгарии может быть наиболее полезным, если оно будет направлено против Турции. Оно будет, однако, своевременным только, когда русские войска высадятся на Балканском полуострове».

²⁾ Секр. депеша посла в Константинополе, от 27 июля/9 августа.

³⁾ См. брошюру пишущего эти строки «Царская Россия и война» и «Раздел Азиатской Турции» изд. Нар. Ком. Ин. Дел. Полностью документы впервые опубликовываются в настоящем сборнике.

Их приходилось теперь выбивать — и по мере того, как этот момент приближался, Болгария вновь приобретала интерес, но уже не столько для России, сколько для ее союзников. В начале новой зоны и стоит, поэтому, визит в Софию герцога Гиз, одного из потомков Луи Филиппа, посланного «всей орлеанской семьей» для увещания онемечившегося кузена (Фердинанд болгарский был сын принцессы Орлеанского дома). Это сочетание орлеанской династии и французской демократической республики, изгнавшей претендентов со своей территории, во всякое другое время доставило бы много веселых минут читателям социалистической и даже просто радикальной прессы; но я не помню, чтобы в те дни по этому поводу хотя бы слегка улыбнулся какой-нибудь не только что радикал, но хотя бы и социалист из официальной партии. Социалисты же не официальные, тож интернационалисты и пораженцы, располагали слишком малым количеством газетных столбцов, чтобы найти на них место герцогу Гиз. Германия не имела в своем распоряжении орлеанских принцев — она поступила проще, дав Болгарии заем в 150 миллионов франков. После этого царь Фердинанд заявил своему кузену, что «по зрелом обсуждении вопроса с компетентными лицами, он видит, что не может выступить против Турции»¹⁾.

После того, как неофициальные дипломаты потерпели поражение, выпустили на сцену официальных, которые сразу заговорили с упрямыми решительным тоном. 25 марта Маджаров (болгарский посланник в Петербурге) телеграфировал царю Фердинанду (а русский телеграф перехватил) нижеследующее:

«Французский посол Палеолог, которого я видел вчера вечером, просил меня сообщить лично вашему величеству следующие его слова:

«Ныне Болгарии представляется самый удобный момент для восстановления своего народного единства. Для форсирования Дарданелл потребуется самое большое 2 месяца, но, может-быть, это произойдет и ранее.

«Если Болгария объявит, что выступит с Тройственным Соглашением и назначит для этого определенный срок, то я гарантирую ей границы по линии Мидия-Энос, исполнение договора 1912 г., Петербургского протокола, Каваллу и все финансовые облегчения. Тройственное Соглашение готово также обеспечить Болгарию от возможного выступления Румынии и Греции.

«Для десанта в Турцию у нас достаточно войска: со стороны России — 100.000, Англии — 60.000 и Франции — 50.000. Численность войск может быть увеличена, если Болгария не пожелает вмешаться в войну.

«Я говорю вам об этом лишь как друг вашего царя и Болгарии, о которых храню самые лучшие воспоминания.

«Ваше вмешательство необходимо ныне же, ибо впоследствии оно будет излишним.

«История предопределила вам блестящую роль, и от вас самих зависит выполнить ее или нет.

¹⁾ Депеша Савинского от 8/21 февраля 1913.

«Хотя вопрос о будущем Константинополя еще не решен, но союз трех держав останется неизбежным и после войны. Это будет могущественный фактор, и всякий, кто будет ему противиться (пропуск) от безденежья.

«После падения Венизелоса король Константин пригласил нашего посланника и заявил ему, что ни он, ни его страна не выступят с противниками Тройственного Соглашения, и что Греция будет держаться той же политики по отношению к Тройственному Соглашению, как и при Венизелосе.

«Вот почему Болгария должна поспешить занять место, которое подобает ей, как самой жизнеспособной из балканских держав».

«В заключение Палеолог сказал: «Подобное сообщение, быть-может, сделает вам и Бьюкенен. В своем рапорте я донес вашему величеству, что и Сазонов сделал мне такое же заявление».

На минуту угроза подействовала: после этого в поведении Фердинанда стала «замечаться полная нерешительность» (Савинский, 1 апреля 1915), а Радославов был «смущен» (он же, 3 апреля), главным образом, тем, что македонские банды, не выдержав, сделали набег на обетованную македонскую территорию — юридически бывшую территорией Сербии. Но это же обстоятельство и выручило болгар. 14/27 апреля Сазонов должен был телеграфировать в Париж и в Лондон: «Сербский посланник сообщил мне от имени своего правительства, что оно решительно отказывается от даже обещанных им (!) земельных вознаграждений в пользу Болгарии, в виду враждебного ее поведения». После этого на превращение поведения Болгарии в дружественное приходилось оставить всякую надежду.

А, между тем, Болгария теперь была нужна уже не только Англии и Франции: артиллерийская фаланга Макензена уже начала действовать в Галиции, и русский фронт стал гнуться. 15/28 мая Сазонов телеграфировал в Рим (копии в Париж, Лондон и Софию): «Считаю весьма желательным, чтобы итальянскому посланнику в Софии было поручено поддерживать заявление посланников Соглашения болгарскому правительству, имеющее целью вовлечь Болгарию в военные действия против Турции. Державы обещают за это Болгарии: Македонию в границах договора 1912 г., Фракию до линии Энос-Мидия; они обязываются также приложить старания к получению Каваллы от Греции и готовы содействовать, сверх того, в переговорах, которые Болгария и Румыния пожелали бы вести по вопросу о Добрудже. Текст заявления уже сообщен трем посланникам. В случае получения вашими французским и великобританским сотоварищами таковых же указаний, благоволите высказаться по содержанию этой телеграммы с министром иностранных дел».

Если бы все это предложили Болгарии в сентябре 1914-го года, возможно, что она бы не устояла перед искушением. И на этот раз она довольно долго колебалась, и Радославов жаловался Савинскому «на трудность своего положения» (Савинский, 4 июня). Но фаланга Макензена неудержимо двигалась вперед, русские потеряли сначала Перемышль, потом Львов, и 28 июля Савинский телеграфировал: «За последнее время здесь замечается сильная перемена настроения, находящая себе выражение в политических разговорах и прессе, не

исключая официальных органов. Под влиянием военных событий и нашего молчания, которое усиленно толкуется и здесь, и болгарскими представителями в четырех союзных столицах, как указание, что на нас серьезно рассчитывать нельзя, на смену прежней альтернативы: нейтралитет или кооперация с нами, является другая альтернатива: кооперация с нами или косвенное выступление против нас путем захвата Македонии. Болгары видят, что оставаться нейтральными они дальше не могут, и окончание уборки урожая недель через шесть будет сигналом к принятию того или другого решения, так как они сознают, что им нужно думать о собственных интересах — политических и экономических, сопряженных с вывозом урожая. В данную минуту у болгар закрыты оба выхода — Дунай и Дедеагач, и все газеты и партии в один голос требуют прекращения этого экономического изолирования, особенно в виду обильного урожая в этом году. Военные меры для занятия Македонии уже приняты: три южные дивизии усилены составом, а на конец августа назначены на греко-сербской границе маневры).

Но тем временем и сербы сознали отчаянность своего положения — и непреклонный Пашич по собственной инициативе начал переговоры с Радославовым о Македонии (Савинский, 18 и 28 августа). Последний раз русская — на этот раз она была опять гораздо более русской, чем антантовской — чашка весов прыгнула кверху, и Сазонов телеграфировал Савинскому (21 августа): «Благоволите, воспользовавшись свободной минутой, заявить, совместно с вашими товарищами, Радославову, что, каковы бы ни были обстоятельства, державы принимают на себя ручательство в том, что Болгария получит по окончании войны Македонию по линии 1912 г., если она выступит против Турции в согласии с требованиями держав».

Но у Германии оказался свой принц, лучше французского, и 31 августа от Савинского шла телеграмма, разрушавшая последние надежды: «Из источников, близких к Радославову, узнаю, что герцогу Мекленбург-Шверинскому поручено убедить короля и правительство примкнуть к германо-австрийскому союзу, выступив против Сербии. Высказанные им Радославову доводы следующие: разгром России уже начался, со дня на день ожидается занятие Вильны с угрозой Петрограду, разрабатывается план движения на Киев и занятия смежных с Румынией областей с целью отделить последнюю от России, дабы таким путем заставить ее пойти в союз с Германией. Аргументация герцога, по тем же источникам, произвела, будто бы, на Радославова очень сильное впечатление».

Германскому принцу помогли сербы. Уже чувствуя на горле железную руку противника, они все еще судорожно цеплялись за «свое». Уже Макензен был на Дунае, а Пашич все еще торговался о Македонии и «не находил возможным уступить (даже!) бесспорную зону по собственной инициативе» (Савинский, 25 сентября). Пришедший в отчаяние Савинский умолял своего коллегу в Нише убедить сербов, чтобы они уступили Македонию... лично Николаю II. А тот уже переуступит ее болгарам. Но последние уже объявили всеобщую мобилизацию, и Радославов заявил (в тот же день) Савинскому, что «Македония должна быть болгарской и что Болгария сама добудет бесспорную и спорную зону, если этого

не хотят ей» дать. 27 сентября посланники четверного (с Италией) согласия уже обсуждали проект ультиматума Болгарии по поводу объявленной ею мобилизации — а 2 октября Савинский передал Радославову, что «представитель России, связанной с Болгарией неувядаемой памятью ее освобождения от турецкого ига, не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию со всем составом миссии и консульств, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия». Болгарское правительство ответило «торжественным заявлением», заканчивавшимся словами: «Угрожая покинуть Болгарию, если в 24-часовой срок болгарское правительство не порвет открыто сношения с противной России группой воюющих держав, императорский посланник призывает Болгарию выйти из нынешнего ее нейтралитета, следствие которого в пользу союзников России бесспорно. — Нет сомнения, что, продолжая свою настоящую политику, Болгария совершенно не в силах воздействовать на отмену принятого императорским правительством решения. Ей остается с сокрушенным сердцем искренно пожалеть, что положенные до сих пор болгарским народом и правительством усилия к тесному единению с братской Россией рушатся ею не по ее почину и инициативе».

Это была война — и война именно с Россией. Помимо всего прочего, это было в лицо так тщательно создававшаяся иллюзия единого славянского фронта против немцев. Вот почему «Петроград», сказав «а», никак не хотел сказать «б», и Сазонов телеграфировал командиру черноморского флота: «Отзывая посланников, мы войны не объявляем. Военные действия, как-то: нападения на болгарские берега и суда, не должны начинаться нами. Это оттолкнуло бы от нас оппозицию страны. Разумеется, практически, если у болгарских территориальных вод будут встречены турецкие суда, то их следует топить, но ни под каким видом нельзя нам первым стрелять по болгарам. Нота послана пока лишь Россией, а не Согласием».

Как-никак, а надеяться оставалось теперь только на «единоверную» еще пока — славу богу! — но уже не «единокровную» Румынию.

Румыния была той страной, при помощи которой Россия Николая II экзекутировала в 1913 г. Болгарию, посягнувшую, в лице царя Фердинанда, на истари уготовленную российским императором византийскую корону. На память о своей почетной миссии 1913 года Румыния получила от России болгарскую Добруджу. Этим надеялись сразу и приструнить Болгарию и разорвать де-факто, ежели не де-юре, военную конвенцию, которая связывала румын с Тройственным союзом и срок которой истекал только в 1916 году. Для того, чтобы вяще приглубить Румынию, Николай ездил со специальным визитом к румынскому королю в Констанцу. Все это должно было обещать, что «враг свободы и цивилизации», немец, встретит в Румынии сразу же непримиримого противника, Антанта же — верного союзника, несмотря на германское происхождение румынской династии, носившей

с Вильгельмом II даже одну фамилию Гогенцоллернов. На Румынию, поэтому, с самого начала возлагались надежды почти столь же прочные, как на Болгарию. Известие, что Румыния «будто бы склонна или к абсолютному нейтралитету или даже к общим действиям с Австрией», вызвало, поэтому, тревогу в Париже, и Извольский спешил переслать Сазонову мнение Пуанкаре, «что следует, не теряя времени, произвести воздействие на Румынию, обещав ей Трансильванию». Совет был запоздалым: уже за два дня до этой телеграммы (1 августа) Сазонов еще 30 июля (стало-быть, до объявления войны, в самый день всеобщей русской мобилизации) телеграфировал посланнику в Бухаресте, Поклевскому: «Весьма доверительно. — Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано, что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании».

Но у «коварного» врага было средство воздействия и на Румынию — не менее действительное, чем на Болгарию, и, во всяком случае, более неприятное для России. 3 августа Поклевский доносил: «По имеющимся у меня достоверным сведениям, германская и австрийская дипломатия требует от Румынии объявления нам войны под угрозой, что ее нейтралитет будет сочтен за враждебное отношение к Тройственному союзу. Последний дает также Румынии гарантии относительно Болгарии, предлагает Бессарабию и долину Тимока и уверяет в отсутствии наших войск в Бессарабии. Одновременно распускают слухи о неминуемости победы Тройственного союза и о заранее решенной перекройке карты Европы, что производит во всех кругах общества угнетающее впечатление».

В то же время Болгария предлагала Румынии «признать навсегда обладание ею Добруджи, взамен предоставления Болгарии полной свободы действий в настоящем кризисе» (Поклевский, 5 августа).

В отличие от буриданова осла, Румыния была не между двумя, а между тремя вязанками сена. Осел помер с голоду, Румыния же решила сохранить нейтралитет. Братиано (румынский премьер) спрашивал Поклевского, сочтет ли Россия сохранение Румынией нейтралитета за проявление к ней (России) дружбы? Поклевский, во избежание худшего, должен был ответить утвердительно, за что Братиано поблагодарил.

Далее, конечно, Румыния начала торговать своим нейтралитетом — чем же она хуже Болгарии, в самом деле. Уже 1 сентября Поклевский телеграфировал: «Некоторые здешние государственные люди уже начинают высказывать опасение насчет того, что нейтралитет Румынии недостаточно нами оценивается, и что нам следовало бы дать на этот счет какие-либо определенные обещания. У этих лиц и в некоторых органах печати проскальзывала даже надежда, что Россия отдаст Румынии за ее нейтралитет часть Бессарабии». Братиано намекал, что уже несоблюдение конвенции, заключенной с Австрией (об этом, конечно, можно было говорить лишь намеками — конвенция была секретная), есть «государственное преступление», и соглашался беседовать о дружественном по отношению к Антанте нейтралитете лишь при условии, что об этих беседах не будет известно ни королю, ни кому-либо

в Румынии, ни даже французскому и английскому посланникам — последним, по крайней мере, до поры до времени.

Словом, румыны ломались и важничали нестерпимо, не поддаваясь при этом ни на какие самые заманчивые соблазны. Уже в течение первого месяца войны русские войска оккупировали часть Буковины, заселенной наполовину румынами, наполовину украинцами. Сазонов выступил с коварным предложением — уступить немедленно же румынский район оккупированной территории Румынии. Но ловушка была слишком проста — и Братиано, вновь поблагодарив (он был утонченно вежлив все время), предложение отклонил, резонно указав, что «немедленное его принятие равносильно объявлению Румынией войны Австрии» (Поклевский, 21 сентября). Сазонов очень сердился, что его так быстро и просто расшифровали, но ничего не добился, кроме дополнительной неприятности узнать, что румынскую Буковину обещала Румынии и Австрия. Поди тут, обскачи!

В конце концов пришлось заключить с румынами соглашение, обеспечивавшее им по окончании войны присоединение румынских областей Австро-Венгрии, при гарантии сохранения за ними нерумынской Добруджи — в обмен на один лишь «благожелательный нейтралитет» (Поклевский, 3 октября), при чем пришлось еще объяснять, что под «благожелательным» нейтралитетом следует разумеать закрытие транзита через Румынию для денег и боевых припасов из Германии в Турцию (еще не воевавшую, но уже определенно союзницу центральных держав). Насчет военных припасов Братиано обещал «категорически», а насчет золота сказал: посмотрим; мне еще нужно с министром финансов переговорить.

Соглашение с Румынией было тем, что по пословице, получают с лихой собаки; и не мудрено, что у Сазонова оно вызывало иногда пароксизмы истерики. 10 января 1915 года, например, он телеграфировал Поклевскому: «Я сказал сегодня Диаманди, что поведение румынского правительства представляется весьма загадочным. Все надежды румын на осуществление национального идеала в Трансильвании основаны исключительно на нашей войне с Австрией. Между тем, с одной стороны, и в печати и даже в румынских военных кругах идет непрестанно речь о приготовлениях к выступлению против Австрии; с другой же стороны, до меня доходят заверения, что Румыния не решится объявить войну, и что она вступает в какую-то лигу нейтральных государств, направленную против господства славянства на Балканах. Заключенное с Румынией соглашение обязывает Братиано быть с нами откровеннее, и мне было бы весьма ценно получить от него определенные объяснения касательно ближайших его намерений» ¹⁾.

Дело окончательно портилось, когда выяснилось, что Румыния отнюдь не согласна ограничить «осуществление своего национального идеала» полунемецкой Трансильванией и намерена распространить его на полуукраинскую Бессарабию — при чем последнее встречает явное сочувствие союзников Николая II в борьбе «за свободу и цивилизацию». 23 апреля 1915 г. французский посланник в Бухаресте, Блон-

¹⁾ Диаманди — румынский посланник в Петрограде.

дель, телеграфировал Делькассе: «Если Россия, аппетиты которой увеличиваются, так как она считает свою победу довольно близкой, останется непреклонной и не поймет, что для того, чтобы изгладить воспоминания 1878 г. и побудить Румынию к выступлению на стороне Тройственного Соглашения, что могло бы повлечь за собой всеобщее охлаждение всех нейтральных стран к Германии и Австрии, ей надлежало бы проявить больше миролюбия, — она совершит ошибку, которая будет важнее совершенной ею в сентябре прошлого года».

Известие о том, что Палеологу предписано поддерживать румынские национальные притязания во всем их объеме, вызвало уже совершенно яростную реплику русского министерства иностранных дел. Заменявший Сазонова Нератов телеграфировал в Париж: «С своей стороны, прошу вас сказать Делькассе, что, если, отступая от этнографического начала, Румыния будет настаивать на приобретении почти всей Буковины в ущерб русским интересам и всего Баната за счет сербов, то соглашение на такой почве может встретить непреодолимые затруднения. Поэтому я надеюсь, что союзные правительства не только не поддержат Румынии в указанном направлении, но дадут понять в Бухаресте, что, если там действительно желают договориться с нами, необходимо умерить свои ничем неоправданные вожделения».

Министерству иностранных дел вторили военные сферы. Николай «большой», великий князь, главнокомандующий, писал Нератову: «Не имея известий из министерства иностранных дел о том, что привез Диаманди, я, основываясь на частных сведениях, которые гласят о каких-то чрезмерных требованиях Румынии и ее кичливом тоне, считаю нужным высказать министру иностранных дел свой взгляд с военной точки зрения. Выступление Италии дает нам такой существенный плюс, что выступление Румынии получает второстепенное значение. Вследствие этого я считаю, что надо ей дать понять, что ее выступление может быть допущено, но что, очевидно, ее вожделения чрезмерны и совершенно неприемлемы».

В то же время румыны, приободренные сочувствием Франции — а позже, как мы увидим, и Англии — разговаривали самым ультимативным тоном. «Братиано сегодня заявил здешнему французскому посланнику, что если мы не согласимся дать Румынии линию Прута и Тиссы до Сегедина, то Румыния не примет участия в войне, и никакая сила в мире не заставит Братиано согласиться на активное выступление его отечества. Он прибавил, что, в случае принятия румынских требований, он готов обещать выступить около 15 мая старого стиля»... «Братиано никаких признаков уступчивости не проявляет и третьего дня вновь повторил французскому посланнику, что Румыния не выступит, если ей не будут гарантированы просимые ею границы» (Поклевский, 4 и 13 мая), вызывая гневные реплики Сазонова, что о принятии румынских условий и «речи быть не может» (секретная депеша Поклевскому, от 5 мая), со ссылкой на то, что «с военной точки зрения верховный главнокомандующий уже не придает теперь румынскому выступлению прежнего значения».

Увы! Макензен и тут вел дело к переоценке всех ценностей. Уже 14 мая Сазонову приходилось признаваться, что «военное сотрудничество Румыний было бы несомненно встречено у нас с удоволь-

ствием», а 19 мая он вынужден был телеграфировать Извольскому: «Указывая на особенное значение выступления Румынии при сложившейся ныне обстановке в Галиции и на Карпатах, Палеолог просил меня принять подсказанное Делькассе примирительное решение, согласно которому Румыния получила бы Буковину по Серет и северо-восточную часть Торонтальского округа в Банате. Чтобы снять с себя перед союзниками всякую ответственность за возможный неуспех переговоров с Румынией, я согласился на это предложение на указанных в моей телеграмме Поклевскому условиях. Было бы желательно, однако, чтобы французы облегчили наше положение в Галиции усилением начатого ими наступления на их восточной границе».

Но Макензен, естественным образом, сделал и румын более осторожными, и 12 июня Братиано уже заявлял Поклевскому, «что он не может точно определить срок для объявления войны Австро-Венгрии, не посоветовавшись предварительно со здешними военными, и что, если ему и удастся определить такой срок, то он по необходимости должен быть максимальным в смысле отсрочки». Теперь уже и в штабе верховного главнокомандующего иначе относились к «чрезмерным требованиям» и «кичливому тону» Румынии. 20 июня Янушкевич (нач. главного штаба) телеграфировал: «Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложений Братиано. Действительное военное выступление Румынии было бы, конечно, наиболее ценным сейчас же, но, так как это недостижимо, то можно, с военной точки зрения, примириться и с ее выступлением через пять недель, ибо самый благоприятный момент для ее кооперации уже прошел. Теперь же самое важное не упускать момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен. Для достижения этого, по моему убеждению, мы можем принять все политические условия, поставленные Братиано». А через три дня Братиано уже выражал «глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Прут с городом Черновцами» (Поклевский, 23 июня), т.-е. того именно, о чем 5 мая «и речи быть не могло».

Но дальше «глубокой радости» Братиано дело пока не шло, и румынской армии в поле, и даже близ поля битвы не замечалось. В Париже начинали от этого приходить в глубокое отчаяние и винили Россию. Тут нельзя не привести целиком интереснейшей и независимо от румынского вопроса телеграммы Извольского от 29 июня: «Хотя в разговоре со мной Делькассе тщательно воздерживался от какой бы то ни было критики по нашему адресу или попытки повлиять на наше решение, я не мог не заметить, что затяжка наших переговоров с Румынией возбуждает в нем крайнее беспокойство.оборот, принятый военными событиями как в Галиции, так и на здешнем театре, вызывает здесь весьма нервное настроение. Начавшееся больше месяца тому назад наступательное движение французской армии, несмотря на упорный характер борьбы и на громадные потери, до сих пор увенчалось лишь частичными успехами, и здесь начинают сомневаться в возможности, путем фронтальной атаки, пробить германские линии и отбросить неприятеля за пределы Франции. Возникает опасение вто-

рой зимней кампании в траншеях, или переброски сюда с восточного фронта крупных германских сил и массового наступления на Кале или на Париж. Спасения здесь продолжают ожидать от флангового движения Италии и Румынии, выступлению коих поэтому придается чрезвычайное значение. В правительственных кругах до сих пор не проявляется малодушия или усталости, но в общественном настроении уже наблюдаются некоторые тревожные симптомы, с которыми необходимо считаться. Вторая зимняя кампания в траншеях или неприятельское вторжение могут вызвать здесь припадок отчаяния и внутренние волнения. Хотя Делькассе и его товарищи открыто этого не высказывают, для меня ясно, что они разделяют мнение парламентских кругов, что при нынешних обстоятельствах военные соображения должны иметь решительное значение, и что поэтому содействие Румынии должно быть куплено какой бы то ни было ценой.

Сазонов мог ответить на это только воплем, что «для привлечения Румынии Россия решила согласиться на все требования румын в Буковине» — чего же еще от нее требуют... — и готов был ухватиться за полу даже итальянцев, о которых два месяца назад он говорил с полным пренебрежением: они почему-то должны были дать свое согласие на уступку Румынии сербского Баната. Но Братиано был не так прост, чтобы лезть под пушки Макензена даже и из за Баната. И вся трагикомедия этого периода заканчивается телеграммой Сазонова «всем, всем, всем» (послам в Париже, Лондоне, Риме, посланнику в Бухаресте) от 14 июля: «Так как становится все яснее, что при нынешних обстоятельствах Румыния ни за какие уступки не согласится выступить против Австро-Венгрии в определенный срок, считаю предпочтительным, прежде чем сделать в Бухаресте предположенное заявление о согласии держав на уступку Баната, дружественно запросить Братиано, готов ли он, вообще, установить срок выступления Румынии, если все до сих пор выставленные им требования будут удовлетворены державами».

Такой исход дела вызвал у союзников взрыв негодования против России. Относящуюся сюда телеграмму Извольского опять нужно привести целиком, ибо она великолепно освещает всю подкладку ситуации. «Не могу скрыть от вас, что возбуждение против России, вследствие сомнения в нашей готовности участвовать в военных действиях на Балканах, с каждым днем усиливается в здешних парламентских, газетных и даже правительственных кругах. С одной стороны, нас выставляют главными виновниками создавшегося на Балканах положения, вызванного, будто бы, нашей несговорчивостью по отношению к Румынии и систематическим пристрастием к Болгарии. С другой — указывают, что отсутствие наших войск не только нанесло бы удар союзному престижу и историческому положению России среди балканских народов, но поставило бы и Францию и Англию в самое невыгодное и опасное положение, внушив против них сказанным народам сомнение в единении союзников. Открывающемуся на Балканах новому фазису великой войны здесь придают громадное значение и считают, что открытие австро-германцами пути в Константинополь, помимо того, что оно прекратит доступ к России, даст Австрии и Германии возможность получать в неограниченном количестве из Малой Азии

продукты и людей. Поэтому общественное мнение громко требует, чтобы этому новому напору были противопоставлены соединенные усилия всех четырех союзных держав; в противном случае возникает вопрос, может ли Франция, без уверенности быть поддержанной на Балканах, рисковать ослабить свои силы на главном своем фронте. Указывают на то, что Россия должна получить после войны за счет Турции наибольшие выгоды, и что, если она не будет участвовать в общем (пропуск), Франция и Англия должны будут пересмотреть свои решения касательно Константинополя и проливов. Статья в этом смысле появилась в столь серьезном органе, как «Журнал де деба». Сегодня некоторые влиятельные газеты опять высказывают, что, ради спасения положения и привлечения Румынии, Россия должна пожертвовать частью Бессарабии. Все это создает здесь крайне для нас неблагоприятную атмосферу и может серьезно отразиться на наших отношениях с Францией. Между прочим, на этой почве происходит ожесточенная кампания против Делькассе и Палеолога, могущая кончиться их увольнением» (секретная телеграмма посла в Париже, 12 октября 1915 г.).

Используя болгарский заслон, Россия желала остаться с глазу на глаз с Турцией, но союзники отнюдь не желали такого *tête-à-tête*. Для того, чтобы предъявить России при заключении мира условия насчет «проливов», им нужно было вовлечь в борьбу одну из держав, имеющих, наравне с Россией, в этих «проливах» интересы: такой державой и была Румыния. Что вовлечение последней в войну, при постановке вопроса о Бессарабии, с точки зрения реальных интересов русской политики, было невыгодно — а при незначительности военной поддержки, которую могла оказать Румыния, игра не стоила свеч: это Антанту трогало всего меньше. В телеграмме Извольского ключ к действительному смыслу мартовского соглашения о Константинополе — Царьград давали Николаю не ради его прекрасных глаз, а за реальную поддержку французского и английского империализма против германского; а ежели ты этой поддержки оказать не можешь, сам нуждаешься в поддержке, не только не дадут тебе проливов, но ты давай Бессарабию. Весь безграничный цинизм империалистских нравов только в одном месте еще нашел себе столь же яркое выражение, как в этой телеграмме Извольского: в знаменитой фразе Ллойд-Джорджа, что он будет держаться «до последнего русского солдата».

Но на Румынию уже не действовали ни французская истерика, ни вполне реальные взятки англичан, покупавших у Румынии пшеницу, которой они не могли вывезти, лишь бы она не продала ее Германии, и передавших Румынии к началу 1916 г. 12 миллионов фунтов стерлингов. Все это несколько не помешало румынам сохранять нейтралитет и заключить торговое соглашение также и с Германией. Поклевский был совершенно прав, когда он связывал выступление Румынии (в своем письме Сазонову от 2/15 ноября 1915) с «пополнением сил, вооружения и боевых припасов» в русской армии, и с «тем моментом, когда последняя окажется вновь в состоянии перейти в наступление».

Удачное наступление Брусилова весной 1916 года, у самых границ Румынии, и растопило окончательно румынский лед. Правда, теперь со стратегической точки зрения румыны опять были не очень

нужны; как и до мая 1915 г., новый начальник штаба, Алексеев, находил всякие придирки к проекту военной конвенции с Румынией (депеша Базили, из ставки, 28 июля), и Извольскому снова пришлось еще раз вернуться к своей роли толкача. 1 августа 1915 г. он телеграфировал Сазонову: «Я мог удостовериться, что французское правительство крайне обеспокоено оборотом переговоров в Бухаресте и считает, что мы проявляем излишнюю неуступчивость по указанным в моей телеграмме № 545 двум пунктам, которым не придают здесь большого практического значения. Здесь убеждены, что выступление Румынии сократит войну на несколько месяцев, и окончательный неуспех сказанных переговоров произведет крайне тяжелое впечатление на французское общественное мнение, которое не преминет возложить ответственность за него на нас». Но на этот раз сама Румыния считала момент максимально благоприятным: теперь или никогда. И наша серия документов кончается следующей телеграммой от 15/28 августа из ставки: «Начальник штаба Одесского военного округа телеграфирует от сего числа: По сведениям пограничной стражи, в 10 часов 30 минут 15 августа в Румынии объявлена общая мобилизация».

О Бессарабии на этот раз речи не поднималось...

Если Болгария — в виду ее крайней слабости после кровопускания 1913 г. — представлялась правительству Николая II самым желательным союзником на Балканах, Румыния, в силу ее бессарабских аспираций, уже гораздо менее желательным — а в силу ее удаленности от Босфора менее нужной — то Италия, в проливах усиливавшая фронт «морских держав», а на Адриатике выступавшая весьма неприятным конкурентом Сербии, шла в числе союзников третьим сортом. Ее выступлению, до разгрома русской армии в Галиции, приписывалось чисто «нравственное» значение (депеша Сазонова, 4 апреля). Только разгром Николая Николаевича Романова в Галиции заставил на минуту считаться и с итальянцами как с реальной силой, но как скоро их реальность оказалась слабоватой, вернулись к прежнему отношению. С точки зрения империалистского «быта» итальянские документы принадлежат, пожалуй, к самым красочным. Началось, конечно, с самого наглого запроса. 11-го сентября Поклевский телеграфировал из Бухареста: «С самого начала войны здешний итальянский посланник высказывал в разговорах со мной сожаление о том, что Франция не делает Италии достаточно заманчивых предложений, дабы добиться ее вооруженного содействия. Он вместе с тем опасался, что военные успехи Германии могут сделать в будущем заключение подобного соглашения затруднительным. В настоящую минуту Фашиотти следующим образом резюмирует точку зрения Италии. Он считает, что только возбуждение вопроса о завершении национального объединения Италии может побудить ее к вооруженному выступлению против Германии и Австрии, а, именно, что Франции следовало бы уступить и графство Ниццу по реке Вар, и остров Корсику, и Италии же должно быть обещано присоединение Адриатического побережья до Истрии включительно. При этом Корсика могла бы быть впоследствии обменена на часть Туниса, за исключением Бизерты. Итальянский посланник так же, как и я, считает более чем вероятным, что Румыния не замедлит вслед за Италией выступить активно на нашей стороне. Братиано просил его на-днях предупредить

румынское правительство хотя бы за 48 часов до того, как Италии решит объявить войну Германии и Австрии. Позволяю себе довести в вышеизложенном, в виду особого доверия, которое итальянское правительство всегда оказывало своему здешнему посланнику. Последний, повидимому, тоже желал, чтобы я передал вашему высокопревосходительству сообщенные им мне сведения, и лично просил, в случае дальнейших переговоров, никак не упоминать его имени».

Но поскольку первый шквал прощел, Антанта не повалилась, дело обошлось и без уступки Корсики и Туниса за дружеские услуги Италии, тон по отношению к ней очень поднялся, особенно со стороны России. Образчиком может служить циркуляр Сазонова от 9 марта. «В виду того, что английское и французское правительства придают, повидимому, значение сотрудничеству Италии, г. Сазонов не имеет намерения ставить этому какие-либо препятствия. Он полагает, однако, что преимущества, которые союзные державы могли бы предоставить Италии за это, должны были бы находиться в соответствии с тем, насколько они выиграют в военном и политическом отношении от выступления Италии. В этом смысле было бы полезно пересмотреть предложения, которые державы готовы были сделать Италии шесть месяцев тому назад. Для того, чтобы согласовать их с настоящим положением, г. Сазонов считает необходимым, чтобы инициатива переговоров с Италией по этому поводу была предоставлена ей самой, и полагает, что Италия могла бы быть допущена к совместным с державами действиям против Турции только при условии одновременного деятельного участия в войне против Австро-Венгрии».

Это «допущение» Италии к войне бесподобно, разумеется; но сама Италия в эту минуту готова была смотреть на себя не иначе. «Здешний итальянский посланник постоянно спрашивает меня, почему державы Тройственного Соглашения не начинают переговоров с Италией. Мой коллега сказал мне сегодня, что его правительство начинает думать, что мы хотим исключить Италию от участия в разделе турецкого наследства», опять телеграфировал из Бухареста Поклевский. Но в Петербурге готовы были к жертвам ради Италии еще меньше, чем ради Румынии. Сазонов телеграфировал 25 марта в Лондон Бенкендорфу: «Грэй, вероятно, ознакомил вас с ходом своих переговоров с итальянским послом и с теми соображениями, которые он высказал в телеграмме Бьюкенену в пользу новых уступок с нашей стороны Италии. На мой взгляд, при всей желательности побудить последнюю к скорейшему выступлению против Австрии, наша уступчивость должна иметь известный предел. Мы уже согласились на весьма крупные приобретения Италии, едва ли соразмерные с ее боевым значением. Окончательное же принесение в жертву итальянским притязаниям Сербии и Черногории не может быть оправдано. При ведении нами переговоров с римским кабинетом не следует забывать, что для Италии не менее важно, чем для нас, достигнуть соглашения, ибо только этим путем она может рассчитывать получить, при сравнительно небольшом напряжении военной силы, крупные приобретения как за счет Австрии, так и в Турции. В Риме должны сознавать, что, при неудачном исходе лондонских переговоров, Италии придется отказаться не только от Триеста, Далмации и Адалии, но, вероятно, даже и от Трентино, так

как, если Германия и Австрия узнают, что соглашение с союзниками не состоялось, они едва ли сочтут нужным пойти на земельные уступки в пользу Италии для удержания ее от вмешательства в войну. Допустить же возможность перехода Италии на сторону австро-германцев при известном настроении итальянского народа и в виду явной, в таком случае, несбыточности мечтаний о господстве на Адриатике—представляется немислимым. Сообщается в Париж. Сазонов. На подлиннике царская пометка: «Хорошо». Царское Село».

Николаю это понравилось.

Чтобы гордые покорители Перемышля удостоили своим вниманием несчастных итальянцев, нужен был нажим со стороны «дорогих союзников»: им, наоборот, Италия была очень нужна, по тем же, приблизительно, мотивам как и Румыния. «Уступая настойчивым просьбам Грея»,—телеграфировал Сазонов Бенкендорфу 31 марта 1915 г.,—«я согласился на новые, на этот раз последние (!) уступки Италии...». Но если Сазонов еще поддавался на просьбы Грея, то Николаю пришлось уламывать самому Пуанкаре. «Дорогой и высокий друг»,—писал царю президент французской республики,—«Да будет мне дозволено вашим величеством высказать ему, сколь опасным мне представляется замедление в присоединении союзников к итальянскому меморандуму».

«Генерал Жоффр, так же как и его императорское высочество великий князь Николай Николаевич, желает, чтобы выступление Италии произошло возможно скорее, но единственный способ ускорить дело—это немедленно подписать соглашение. До тех пор, пока оно не будет подписано, можно опасаться, как бы переговоры не были неожиданно прерваны в силу каких-нибудь непредвиденных обстоятельств. Приняв же на себя обязательство подписанием соглашения, Италия, напротив, была бы уже вынуждена приступить к действиям, как только она получила бы материальную возможность это сделать, и мы постараемся подвинуть ее на это решение. Отсрочка, которую она просит, могла бы быть сокращена, поскольку она действительно будет нашим союзником, но тогда мы будем иметь уверенность и основания полагать, что она просит ее не для того, чтобы уклониться от действий, что ей действительно необходимо сделать некоторые предварительные приготовления, и что, отказывая ей в предоставлении небольшой отсрочки, мы рисковали бы тем, что она осталась бы в нейтралитете. Пусть лучше она присоединится позднее, чем не присоединится никогда».

Самым комичным пассажем из всего является телеграмма Сазонова в ставку 6 апреля: «По всеподданнейшем докладе моем государю императору соображений вашего императорского высочества в связи с общим положением, его императорскому величеству благоугодно было повелеть мне уведомить великобританское правительство о согласии нашем на предложение Делькассе уступить Италии спорные острова, продолжая настаивать на присуждении Сабииончелло Сербии. В случае же, если не удастся достигнуть соглашения на этой почве, государь император соизволил уполномочить меня сделать еще крайнюю уступку, согласившись на отдачу и Сабииончелло Италии под условием его нейтрализации и обязательства Италии выступить против Австрии не позже конца апреля нового стиля».

Были ли уже в столь великодушно «уступленном» Сабиончелло земские начальники? История умалчивает...

У переговоров с Италией была, конечно, большая и серьезная сторона — дележка Турции. Но так как эта тема, хронологически, выводит за пределы нашего сборника, то ее я здесь не касаюсь.

М. Покровский.